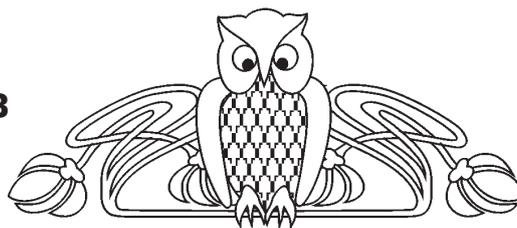

УДК 316.6

Память Другого или другая память: социально-психологический анализ коммеморативных практик

Е. В. Рягузова

Рягузова Елена Владимировна, доктор психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии личности, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, rjaguzova@yandex.ru

В статье представлены результаты теоретической рефлексии коммеморативных практик, направленных одновременно на презентацию прошлого и его оценочную репрезентацию в настоящем, на трех уровнях анализа – общества / государства, группы и личности. Показано, что на уровне государства коммеморации выступают мощным политическим и манипулятивным ресурсом власти, позволяющим управлять прошлым, конструировать культурную память социальных акторов, консолидировать общество на основе коллективных переживаний; на уровне группы благодаря коммеморативной программе формируется коллективная память, происходит интеграция членов группы, конструирование позитивной социальной идентичности и актуализируется чувство «Мы»; на уровне личности коммеморативные практики связаны с потребностью человека сохранять память о прошлом и объективировать мнемические следы в ритуалы, церемонии, видимые знаки, символы и артефакты, способные символически удерживать переживания прошлого в актуальном настоящем. Предложено рассматривать семейный альбом как способ двойной коммеморации, архив воспоминаний, средство сохранения памяти Другого, противостоящий времени, сшивающий разные временные слои, сохраняющий ушедшее прошлое как пребывающее в настоящем, возвращающий и укрепляющий ценностно-смысловую сферу членов семейной системы. Утверждается, что конструирование когнитивно-перцептивного памятного нарратива в процессе межличностного взаимодействия происходит как с помощью эмпатически обусловленных механизмов аффективной идентификации с Другими, сочувствия и сопереживания им, так и за счет личной рефлексии ответственности перед собой и Другими.

Ключевые слова: память как социокультурный конструкт, коммеморативные практики, семейный альбом, рефлексивная коммуникация, коммуникативная память, постпамять, памятный нарратив.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-61-68>

Введение

Глобализация, охватившая все сферы жизни общества, оказывает существенное влияние на изменение отношения к онтологически недоступному прошлому. Не случайно некоторые ученые называют современную эпоху «мемориальной», или «эпохой коммемораций» [1], тем самым акцентируя внимание именно на трансформации отношения к прошлому, которая во многом об-

условлена общим ускорением истории, быстрым удалением прошлого, стремительной скоростью смены настоящего, фатальной неопределенностью будущего. При этом взаимосвязь прошлого, настоящего и будущего очевидна для всех исследователей, но они по-разному расставляют теоретические и методологические акценты: одни считают, что прошлое формирует настоящее и определяет будущее, другие полагают, что настоящее форматирует прошлое и управляет будущим.

По мнению П. Нора, с которым мы полностью солидаризируемся, в современном мире разрушена прямая линия, соединяющая прошлое с настоящим и будущим: прошлое перестало быть гарантом будущего, неопределенность и непредсказуемость которого ставит перед актуальным настоящим обязательство помнить прошлое, накладывая на него своеобразный «долг памяти» и «обещание преемственности» [1].

Научный интерес к прошлому и феномену памяти формирует междисциплинарную парадигму социально-гуманитарного исследования – *memory-studies*, в центре внимания которой находится память как социокультурное явление [2–6].

Традиционно в рамках психологического дискурса память трактуется как высшая психическая функция, когнитивный процесс, обеспечивающий человеку возможность познавать окружающий мир и адаптироваться к нему, конструировать собственную идентичность как целостного субъекта жизненного пути, а также сохранять и транслировать личные и коллективные знания, социальные представления и пережитый опыт. Говоря о генезисе индивидуальной памяти человека, Л. С. Выготский указывает на социальность и опосредованность естественной памяти, развитие которой идет по пути утраты своего натурального характера и становления культурной памяти. Вместе с А. Р. Лурия он настаивает на том, что при исследовании памяти культурного человека изучается не изолированная мнемическая функция, а целостная стратегия личности, сформированная в ходе ее культурного созревания и направленная на закрепление приобретенного опыта [7].

Позиционирование памяти как социокультурного конструкта не только расширяет научные представления о детерминантах, механизмах и генезисе индивидуальной памяти человека, но и позволяет анализировать культуру в целом как сообщество памяти или социальную, культурную, коллективную память [2–4], рассматривать память как культурную программу [8], исследовать контрпамять, противостоящую «официальной» памяти [5], и постпамять, опосредованную и основанную на воспоминаниях и переживаниях Другого [9], перевода эпистемический фокус внимания в социокультурную и коммуникативную плоскости.

Целью данной статьи является социально-психологический анализ коммеморативных практик личности, связанных с управлением семейной памятью и памятью Другого.

Теоретические основы

Коммеморация рассматривается как особый феномен, сочетающий в себе одновременно презентацию прошлого и его репрезентацию [10]. Коммеморация позволяет презентовать прошлое в актуальном настоящем, воссоздавая его факты, события и оживляя судьбы. В то же время коммеморация выступает репрезентацией прошлого, поскольку содержит в себе оценочную интерпретацию произошедшего и отношение к нему, детерминированные новой социокультурной ситуацией, решением конкретных значимых общественных или личностных задач, идеологическим контекстом и властным императивом. П. Нора, подчеркивая эту особенность коммемораций, указывает, что коммеморации имеют отношение не к самим фактам, а их следам, не к событиям, а их реконструкциям, не к прошлому, а его модифицированной версии [1].

Коммеморативные практики направлены на актуализацию целого комплекса эмоциональных состояний и переживаний социальных акторов. Вслед за Т. П. Емельяновой правомерно определять актуализированный комплекс как коллективные чувства, которые стимулируют социальную активность, выполняют роль символической защиты от стрессов, компенсируют разного рода потери, участвуют в прогнозировании будущего и создают базу для межгрупповых взаимодействий [11]. Как считает А. В. Юревич, коллективные чувства и переживания выступают в качестве базового компонента национального менталитета [12].

Коммеморации всегда эмоционально окрашены и ретроориентированы, направлены на закрепление в общественном сознании людей значимых событий прошлого, фиксирование

определенного отношения к их репрезентациям в настоящем, а также трансляцию тотальной значимости составляющих коллективной памяти последующим поколениям.

На государственном уровне коммеморации представляют собой стратегии управления прошлым в интересах настоящего с помощью официального властного дискурса и масс-медиа. Они выступают мощным политическим и манипулятивным ресурсом, который часто используется властными структурами для создания определенных нарративов на тему истории, формирования желательного образа мыслей и определенных паттернов поведения представителей того или иного общества [13].

Коммеморативные практики включают в себя создание мемориалов и монументов, которые иногда выступают в виде коммеморативных симулякров; учреждение праздников и отмечание годовщин, часто являющихся «изобретенными традициями» [14]; открытие музеев, выставок и экспозиций; фиксацию мест памяти – вечный огонь, вахты памяти и почетные караулы; реализацию различных мнемонических проектов, например «Бессмертный полк», которые играют важную роль не только сохранения памяти, но и генерации универсальных значений и смыслов, легитимации и консолидации общества, выступая способами формирования этнокультурной и гражданской идентичности личности и солидарности социальных акторов.

В ряде случаев коммеморативные практики связаны с разрушением прежних мест памяти и ликвидацией изобретенных традиций – отменой праздников, сносом памятников, переименованием улиц и городов. Не обсуждая этическую сторону подобных действий, заметим, что они свидетельствуют о потребности общества в новом обозначении собственной идентичности, смене государственной коммеморативной политики и стремлении сформировать другое отношение к историческим событиям. Однако при этом эти действия также направлены на выполнение тех же самых коммеморативных функций: управление прошлым, консолидация и сплочение общества, укрепление национальной идентичности его представителей и выработка единой идентификационной платформы, обеспечивающей точки опоры для формирования идентичности личности.

На уровне группы осмысление прошлого и память о нем создают определенную коммеморативную программу, которая постоянно воспроизводится и реализуется в ходе ритуально-церемониальной групповой деятельности, и благодаря которой формируются и унифици-

руются индивидуальные воспоминания членов группы, встраиваясь в коллективную память. На этом уровне коммеморации способствуют интеграции членов группы, формированию у них позитивной социальной идентичности и консолидирующего чувства «Мы». Члены группы конструируют воображаемые (символические) границы между Мы и Они, Свои и Чужие, объединяясь на основании единой системы релевантностей и ценностей, общих знаний и представлений, одной и той же истории, состоящей из побед и триумфов, поражений и травм, единой эмоциональной сопричастности с прошлым и одинакового экзистенциального опыта [15]. Как справедливо отмечает П. Рикер, при этом отбираются одни события, чтобы быть незабываемыми и переданными, а другие – чтобы быть обреченными на забвение [16]. Вместе с тем прав был Ю. М. Лотман, указывая, что парадигма памяти – забвения с течением времени может измениться [3], возвращая в коллективную память забытые события прошлого, воскрешая исторические персонажи, пересматривая их заслуги и конструируя своеобразный дискурс оправдания. Однако поиск белых пятен истории или изучение ее темных закоулков возможны только при условии, что социальная группа существенно изменила доминирующие ценностные коды, мыслительные конвенции и смысловую систему координат. В связи с этим для того, чтобы адекватно представить себе социальную идентичность членов той или иной группы, важно знать не только то, что включено в ее коллективную память и поддерживается коммеморативными практиками, но и то, что из нее исключено.

На личностном уровне коммеморации связаны с потребностью человека фиксировать и сохранять в памяти образы значимых людей, важные события и жизненные ситуации, демонстрируя собственную привязанность к прошлому, а также материализовывать (объективировать) мнемические следы в ритуалы, церемонии, видимые знаки, символы и артефакты, способные символически удерживать переживания прошлого в актуальном настоящем. Среди используемых современным человеком коммеморативных практик можно выделить отмечание семейных праздников, годовщин и дней поминовения усопших, посещение мест захоронения или иных «мест памяти», передачу личных вещей от одного поколения другому («память вещей»), воспроизведение семейных преданий, обладающих большим кредитом доверия, бережное отношение к личным письмам, дневникам и мемуарам, сохраняющим следы присутствия Другого, его памяти и памяти о нем в настоящем и, конечно,

создание, хранение и просмотр семейных альбомов с фотографиями.

В контексте данной статьи мы сфокусируем внимание на семейных альбомах как совокупности визуальных репрезентаций и рефлексивных средствах коммуникации, с помощью которых возможно сохранение прошлого, памяти о Других и другой памяти.

Семейный альбом как архив воспоминаний и способ сохранения памяти Другого

Семейный альбом представляет собой визуальную фамильную сагу с множеством разнообразных вариантов историй, мифов, легенд и нарративов, позволяющих не только погрузиться в ушедшее и утраченное, но и приобрести что-то новое и необходимое: сконструировать непротиворечивую картину прошлого, сформировать семейную идентичность, транслировать общность памяти, презентировать себя Другому. По образному определению В. Л. Круткина, коллекция фотографий – это попытка восстановления «рассыпанной Вселенной и соединения маленьких миров опыта в большой Мир фотографирования» [17, с. 173].

Собирая воедино «письма жизни», человек имеет возможность узнать далеких близких, а также открыть себя во взаимодействии со значимыми Другими. Вместе с тем не все визуальные репрезентации сохраняются и не все члены семьи представлены в семейных альбомах. Фотографии могут утрачиваться безвозвратно по разным причинам, порождая контексты отсутствия, тишины, неизвестности и пустоты, но могут быть и осознанно изъяты из семейной памяти в связи с нарушением кем-то семейных ценностей или границ. Как пишет В. В. Нуркова, семейные альбомы умалчивают о девиантных судьбах [18]. Если человек отбирает и помещает свою фотографию в семейный альбом, то она приобретает статус личного документа становления и формирования идентичности личности; если берется фотография другого члена семьи, то это означает наличие позитивного эмоционально-ценностного отношения к нему представителей семейной системы разных поколений или отражение значимого контекста его достижений и заслуг. Соответственно, семейный альбом можно позиционировать как совокупность визуальных репрезентаций, отражающих событийный план семьи и ее «рассказы о жизни», способ воссоздания и трансляции «опыта желаемого» [19], конструирование «жизни внутри жизни» [20].

Семейный альбом является средством двойной коммеморации. С одной стороны, он хранит

память об абсолютном прошлом, особенностях функционирования семейной системы, значимых Других, их достижениях и техниках самопрезентации, поведенческих моделях и жизненных интересах, «сшивая» разрозненные временные слои и человеческие судьбы. Эта временная «сшивка», соединяющая моменты прошлого и настоящего, позволяет субъекту, рассматривающему фотографии из семейного альбома, свободно перемещаться в направлениях прошлое – настоящее, распознавая близких и далеких Других, угадывая себя в прошлом, укрепляя собственную идентичность через рефлексии единства семьи и эмоциональную сопричастность с нею. С другой стороны, семейный альбом активно вторгается в настоящее, дополняя семейную хронику новыми образами и событиями совсем недавнего прошлого, задавая определенный ценностно-смысловой стандарт помещенным в него визуальным репрезентациям, предъявляя требования к траекториям жизненного пути членов семейной системы в соответствии с портретной галереей предков и моральной преемственностью прошлого. По сути семейный альбом противостоит времени, сохраняя ушедшее прошлое как пребывающее в настоящем, возвращает и укрепляет ценностно-смысловую сферу членов семейной системы, поскольку, как отмечают некоторые исследователи, смыслы в памяти не хранятся, а растут [3, 4].

Семейный альбом как набор фотографий может быть описан в рамках сингулярности – унифицированности. С одной стороны, он уникален, эксклюзивен и неповторим как любой текст и событийная фотохроника, репрезентируя конкретных людей, особенности их детско-родительских, супружеских и межличностных отношений. С другой стороны, фотоальбом отражает общие инварианты социокультурного контекста семейного функционирования, специфику нравов и традиций, моды и стилей, выступая маркером и репрезентантом конкретной исторической эпохи. В разных семейных альбомах можно увидеть одинаковые фотографии с точки зрения их содержательного контента, жанра, сюжета, исполнения. Так, например, постановочные статуарные портреты членов семьи, фотографии из предновогоднего детского сада девочек-снежинок и мальчиков-зайчиков, курортные фото с обязательным обозначением места и даты отдыха, коллективные выпускные фотографии на крыльце школы, во время праздничной демонстрации как мозаичные фрагменты и беспристрастные свидетельства прошлого воссоздают культурные коды и целостный образ эпохи 70-х годов.

Вместе с тем фотографии не сводятся только к набору визуальных знаков и символов, а имеют дело с образами, которые одновременно «столь же безличны, насколько они аффективны» [21, с. 27]. С. Зонтаг считает, что фотография скрывает больше, чем показывает [22], а Е. В. Петровская акцентирует внимание на том, что фотографии – это не множество впечатлений, а отпечатки множества, подчеркивая, что образ служит условием проявления изображения, когда оно становится «узнаваемым», т. е. обретает некий общезначимый смысл [21].

Более того, фотографии, создавая эффект реальности, являются поводом для разговора о том, что не имеет непосредственного отношения к визуальной репрезентации, выступая в качестве рефлексивного средства коммуникации между людьми, иницируя диалог и взаимодействие, оживляя мнемические следы и порождая воспоминания, оформляемые в Я-нарративы и Мы-нарративы. Довольно часто эти воспоминания опираются на память других людей, даже если они касаются автобиографических событий, т. е. аутентичность воспоминаний индивидуальной памяти весьма сомнительна [23], поскольку, во-первых, они прошли отбор, редактирование и подтверждение в рамках семьи и социума, а во-вторых, личность не может интерпретировать прошлое, отбросив накопленный опыт всей последующей жизни. Следовательно, семейный альбом можно рассматривать как объективированные (материализованные) следы коммуникативной семейной памяти.

Конструкт «коммуникативная память», введенный М. Хальбваксом [2] и содержательно наполненный Я. Ассман [4] и А. Ассман [23], обладает большим эвристическим потенциалом. Коммуникативная память формируется в процессе межличностной коммуникации под влиянием интеракций личности с ближайшим социальным окружением и имеет модус биографического воспоминания, разделяемого индивидом с взаимодействующими Другими. Коммуникативная память возникает во времени и либо бесследно исчезает вместе со своими носителями, либо объективируется и трансформируется в культурную память группы. Как считают некоторые исследователи, длительность коммуникативной памяти составляет 80–100 лет, т. е. она охватывает временной горизонт трех-четырех поколений людей [4, 23]. В отличие от исторической памяти, для которой чрезвычайно важно, какую психологическую позицию занимает субъект относительно самого события – участник, очевидец, современник или наследник, отличающиеся соотношением составляющих исторического

опыта [18], для коммуникативной памяти, особенно семейной, вопрос о психологической позиции вспоминающего не так важен, поскольку значимыми являются не столько полнота изложения, завершенность и достоверность фактов и событий прошлого, сколько личный прожитой опыт, доминирующие эмоционально-ценностный, смысловой, нормативный, аксиологический контексты субъективных переживаний.

Взаимодействуя с Другими и опираясь на фотографические изображения из семейного альбома, человек извлекает из памяти воспоминания, используя визуальные репрезентации как строительный материал для создания нарративов. В. В. Нуркова очень точно определяет режимы действий личности при конструировании автобиографического нарратива – человек «рассказывает о себе, рассказывает себя, рассказывает собой» [24]. В соответствии с этим можно утверждать, что личность, используя автонаррацию как способ передачи собственного опыта Другому/Другим, проецирует актуальное Я в прошлое, которое она воспринимает как стабильное, понятное и обжитое и вместе с тем подвижное, эмоциональное и чувственное, транслируя Другим то, что составляет содержание ее экзистенциального опыта, порой умалчивая о тайнах и ситуациях, противоречащих логике личной событийности. Ее рассказ – это живая память с искажениями и оговорками, субъективной интерпретацией и аффективными оценками, избирательностью и селекцией образов памяти, не претендующая на универсальную реконструкцию истории.

Кроме того, автонаррация выступает как «механизм самопонимания и самопостроения» [25]. Артикулируя и вербализуя собственные воспоминания, актуализированные фотографическими изображениями, личность схватывает собственную сущность в контексте прожитой жизни, упорядочивает личный опыт, укрепляет Я-концепцию, придает ей целостность, атрибутирует произошедшим событиям определенные экзистенциальные смыслы, осуществляя непрерывное «здесь и теперь» себя-творение [25, с. 65]. Еще один важный момент, связанный с этим режимом действия, заключается в том, что, рассказывая с помощью семейного альбома свою историю о прошлом, человек не просто открывает ее и собственное Я для себя и Другого, но и сам становится видимым для Другого.

Третий обозначенный режим – «рассказывать собой» – связан с эффективностью межличностной коммуникации, которая во многом зависит как от личностных особенностей, глубины и осмысленности переживаний прошлого, меры языковой компетентности рассказчика, так и от

личностных свойств слушающего, его субъективного отношения и интереса к нарратору, характера и особенностей ситуации взаимодействия.

Заметим, что семейный альбом конструирует пространство не только автобиографических воспоминаний, но и следов коммуникативной памяти, основанной на рассказах и воспоминаниях Других, включенных в семейную историю и мифологию.

Эмоциональный аспект интерпретации событий и переживаний семейного прошлого чрезвычайно важен, поскольку благодаря ему возможна передача воспоминаний последующим поколениям, а также через поколения [26]. М. Хирш вводит специальный термин для обозначения такой межпоколенческой трансмиссии – постпамять, в котором приставка «пост» указывает на сложное взаимодействие близости и отдаленности, колебания между непрерывностью и разрывом [26]. Постпамять трактуется как обретение личностью эмоционального знания и ассоциированных переживаний о событиях, имевших место задолго до ее рождения. М. Хирш акцентирует внимание на том, что именно качественная и временная дистанция по отношению к событиям формирует постпамять, объясняя это тем, что постпамять – это не непосредственные воспоминания личности, а опосредованные тесной межличностной коммуникацией человека с теми, кто является их реальным носителем. Содержание и интерпретация таких событий, а также память о них передаются как ценностные ориентиры и смысловые константы семьи, а возможность личностной идентификации с семейной памятью выступает как точка входа, запускающая механизм семейной трансмиссии.

Взгляды М. Хирш созвучны нашему пониманию коммуникативной памяти, выступающей не просто в качестве механизма передачи прошлого опыта Другому, но и транслятора травматического знания личности. Рефлексия травматического опыта Другого – истории его встреч с невыносимым способствует тому, что воспоминания Другого не только сохраняются и передаются членам семьи в процессе интеракции и коммуникации, но и организуются в личные знания другого человека, становясь частью его собственной памяти и жизненной истории.

М. Хирш совершенно обоснованно акцентирует внимание еще на одном важном аспекте постпамяти, связанном с ответственностью, считая, что постпамять выступает катализатором со-настроенности и солидарности людей, а также мерой их ответственности перед Другими [26].

Следовательно, благодаря эмпатии, состраданию и сопереживанию, чувствительности к боли Другого и интересу к его судьбе, яркости и

эмоциональности образов воображения и представления, ментального проецирования себя на территорию Другого и ориентации относительно его феноменологической перспективы личность создает памятный нарратив в виде оценочной интерпретации отложенного события, качества и темпоральность которого трансформированы под влиянием как ее индивидуального опыта, так и последующего коллективного и культурного ландшафтов. Памятный нарратив – это моральная ответственность личности перед собой и Другими – предками, современниками, наследниками, создающий новый порядок понимания себя и Другого, переопределяющий границы между собой и Другими, прошлым и настоящим, а также включающий в себя обязательства, имеющие отношения к памяти Других и другой памяти.

Выводы

Создание и хранение семейного альбома – коммеморативная практика представителей семейной системы, которая характеризуется следующими особенностями: упорядоченность, связь с мемориальной реконструкцией прошлого, направленность на подтверждение чувства единства и общности семьи через разделяемое отношение к его репрезентациям, хронографическое соединение (сшивка) разных временных слоев.

Семейный альбом представляет собой социальный капитал, ответственный за формирование идентичности семьи во времени, он тщательно редактируется и репрезентирует визуальную историю жизни как вариант желаемого опыта, счастливой жизни внутри реальной.

Семейный альбом как средство двойной коммеморации противостоит времени, сохраняя объективированную память об абсолютном прошлом, пребывающем в настоящем, и укрепляет ценностно-смысловую сферу членов семейной системы, задавая им определенный аксиологический стандарт.

Фотографии не сводятся только к набору визуальных знаков и символов, а служат поводом для разговора о том, что не имеет непосредственного отношения к визуальной репрезентации, выступая в качестве рефлексивного средства коммуникации, материализованных следов коммуникативной семейной памяти и основы для создания Я- и Мы-нарративов.

Памятный нарратив формируется в процессе непосредственной межличностной коммуникации личности со значимыми Другими в виде оценочной интерпретации отложенного события и продукта собственных переживаний личности, независимо от того, что они являются эмпатически обусловленными.

Список литературы

1. *Нора П.* Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 40–41.
2. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М., 2007. 346 с.
3. *Лотман Ю. М.* Память в культурологическом освещении // Избранные статьи : в 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 200–202.
4. *Assmann J.* Communicative and Cultural Memory // Cultural Memory Studies. An International and Interdisciplinary Handbook. Berlin ; New York, 2008. P. 109–118.
5. *Хаттон П. Х.* История как искусство памяти. СПб., 2004. 424 с.
6. *Васильев А. Г.* Традиция и культурная память в контексте социальных инноваций // Человек и культура. 2015. № 1. С. 72–91.
7. *Выготский Л. С., Лурия А. П.* Этюды по истории поведения : Обезьяна. Примитив. Ребенок. М., 1993. 224 с.
8. *Schwartz B., Hall J. R., Grindstaff L., Lo M.-C.* Culture and Collective Memory : Two Comparative Perspectives : Handbook of Cultural Sociology. L., 2010. 696 p.
9. *Hirsch M.* Pictures of a Displaced Childhood // Family Frames : Photography, Narrative and Postmemory. Harvard, 2002. P. 217–240.
10. *Мегилл А.* Историческая эпистемология. М., 2007. 480 с.
11. *Емельянова Т. П.* Феномен коллективных чувств в психологии больших социальных групп // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1, № 1. С. 3–22.
12. *Юревич А. В.* Структурные элементы национального менталитета // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 29. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n29/837-yurevich29.html> (дата обращения: 21.04.2018).
13. *Шуб М. Л.* Современные коммеморативные практики : образовательный и воспитательный потенциал // Челябинский гуманитарий. 2016. № 3 (36). С. 80–87.
14. *Хобсбаум Э.* Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62.
15. *Рягузова Е. В.* Социальная психология личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой». Саратов, 2011. 304 с.
16. *Рикёр П.* Память, история, забвение / пер. с фр. М., 2004. 728 с.
17. *Круткин В. Л.* Антропологический смысл фотографий семейного альбома // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8, № 1. С. 171–178.
18. *Нуркова В. В.* Зеркало с памятью. Феномен фотографии. Культурно-исторический анализ. М., 2006. 288 с.
19. *Мартин Р.* Наблюдение и рефлексия : отреагирование воспоминаний и представление будущего посредством фотографии // Фототерапия : использование фотографии в психологической практике. М., 2009. С. 80–99.

20. Ирина-Коган В. Жизнь внутри жизни. Семейный альбом. М., 2009. 720 с.
21. Петровская Е.В. Фотография : гравитация демоса // Философский журнал. 2015. Т. 8, № 1. С. 23–32.
22. Зонтаг С. Взгляд на фотографию. URL: <https://www.photographer.ru/cult/theory/401.htm> (дата обращения 17.06.2018).
23. Ассманн А. Длинная тень прошлого : Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. 328 с.
24. Нуркова В. В. Рассказывать о себе, рассказывать себя, рассказывать собой : автобиографический нарратив с позиций культурно-деятельностного подхода // Развитие личности. 2010. № 1. С. 74–92.
25. Сапогова Е. Е. Автобиографический нарратив в контексте культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2005. № 2. С. 63–74.
26. Что такое постпамять / пер. статьи М. Хирш. URL: <http://urokiistorii.ru/node/53287> (дата обращения: 08.04.2018).

Образец для цитирования:

Рязузова Е. В. Память Другого или другая память: социально-психологический анализ коммеморативных практик // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 61–68. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-61-68>

Memory of the Other or the Other Memory: the Social-Psychological Analysis of Commemorative Practices

E. V. Ryaguzova

Elena V. Ryaguzova, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya Str., Saratov 410012, Russia, rjaguzova@yandex.ru

The article represents the results of theoretical reflection of commemorative practices, directed both at simultaneous presentation of the past and its evaluated representation in the present at three levels of the analysis – societies / states, groups and persons. It is shown that at the level of the state, commemorations act as a powerful political and manipulative resource of the power allowing to operate the past, to design cultural memory of social actors, and to consolidate society on the basis of collective experiences. At the level of the group collective memory is formed thanks to the commemorative programs, which integrate the members of the group, construct the positive social identity and actualize the feeling “We”; at the level of the personality commemorative practices are connected with the need of the person to hold in remembrance the past and to recover memory traces in rituals, ceremonies, visible signs, symbols and artifacts capable of holding symbolically experiences of the past in the relevant present. It is offered to consider the family album as the way of a double com-memoration, an archive of memoirs, the means of preserving the memory of the Other which resists time, sews different temporary layers, keeps the past as staying in the present, cultivates and strengthens the valuable and semantic sphere of members of the family system. It is claimed that designing a cognitive and perceptual memorable narrative in the course of interpersonal interaction, occurs both with the help of mechanisms of affective identification to Others, sympathy and empathy to them, and due to a personal reflection of responsibility to yourself and Others.

Keywords: memory as a sociocultural construct, commemorative practices, family album, reflexive communication, communicative memory, post-memory, memorable narrative.

References

1. Nora P. World Celebration of Memory. *Neprikosnovenny zapas* [Emergency Ration], 2005, no. 2–3, pp. 40–41 (in Russian).
2. Khal’bvaks M. *Sotsial’nyye ramki pamyati* [Social Framework of Memory]. Moscow, 2007. 346 p. (in Russian).
3. Lotman Yu. M. *Pamyat’ v kul’turologicheskom osveshchenii*. Izbrannyye stat’i: v 3 t. [Memory in Culturological Lighting]. Tallinn, 1992, vol. 1, pp. 200–202.
4. Assmann J. *Communicative and Cultural Memory. Cultural Memory Studies. An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin, New York, 2008, pp. 109–118.
5. Khatton P. Kh. *Istoriya kak iskusstvo pamyati* [History as Memory Art]. St. Petersburg, 2004. 424 p. (in Russian).
6. Vasil’yev A. G. Tradition and Cultural Memory in the Context of Social Innovations. *Chelovek i kul’tura* [People and culture], 2015, no. 1, pp. 72–91 (in Russian).
7. Vygotskiy L. S., Luriya A. R. *Etyudy po istorii povedeniya: Obez’yana. Primitiv. Rebenok* [Etudes on Behavior Stories: Monkey. Primitive. Child]. Moscow, 1993. 224 p. (in Russian).
8. Schwartz B., Hall J. R., Grindstaff L., Lo M.-C. Culture and Collective Memory: Two Comparative Perspectives. *Handbook of Cultural Sociology*. London, 2010. 696 p.
9. Hirsch M. Pictures of a Displaced Childhood. In: *Family Frames: Photography, Narrative and Postmemory*. Harvard, 2002, pp. 217–240.
10. Megill A. *Istoricheskaya epistemologiya* [Historical Epistemologiya]. Moscow, 2007. 480 p. (in Russian).
11. Emel’yanova T. P. Phenomenon of collective feelings in psychology of big social groups. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial’naya i ekonomicheskaya psikhologiya* [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology], 2016, vol. 1, no. 1, pp. 3–22 (in Russian).
12. Yurevich A. V. Structural elements of national mentality. *Psikhologicheskie Issledovaniya* (Psychological Studies), 2013, vol. 6, no. 29. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n29/837-yurevich29.html> (accessed 21 April 2018) (in Russian).
13. Shub M. L. Modern commemorative practices: educational potential. *Chelyabinskiy gumanitariy* [Chelyabinsk Humanist], 2016, no. 3 (36), pp. 80–87 (in Russian).

14. Khobsbaum E. Izobreteniyе traditsiy [The Invented Traditions]. *Vestnik Evrazii* [Acta Eurasica], 2000, no. 1, pp. 47–62 (in Russian).
15. Ryaguzova E. V. *Sotsialnaya psikhologiya lichnostnykh reprezentatsiy vzaimodeystviya "Ja – Drugoy"* [Social Psychology of Personal Representations "Me – Other"]. Saratov, 2011. 304 p. (in Russian).
16. Rikër P. *Pamyat', istoriya, zabveniyе* [Memory, History, Oblivion]. Transl. of fr. Moscow, 2004. 728 p. (in Russian).
17. Krutkin V. L. Anthropological sense of photos of a family album. *Zhurnal sotsiologii i socialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2005, vol. 8, no. 1, pp. 171–178 (in Russian).
18. Nurkova V. V. *Zerkalo s pamyat'yu. Fenomen fotografii. Kul'turno-istoricheskii analiz* [Mirror with memory. Photo Phenomenon. Cultural and Historical Analysis]. Moscow, 2006. 288 p. (in Russian).
19. Martin R. Nablyudeniye i refleksiya: otreagirovaniye vospominaniy i predstavleniye budushchego posredstvom fotografii [Observation and Reflection: an Otreagirovaniye of Memoirs and Representation of the Future by Means of the Photo]. In: *Fototerapiya: ispol'zovaniye fotografii v psi-khologicheskoy praktike* [Phototherapy: Use of the Photo in Psychological Practice]. Moscow, 2009, pp. 80–99 (in Russian).
20. Irina-Kogan V. *Zhizn' vnutri zhizni. Semeynyy al'bom* [Life in Life. Family Album]. Moscow, 2009. 720 p. (in Russian).
21. Petrovskaya E. V. Photography: gravitation of the demos. *Filosofskiy zhurnal* [Philosophy Journal], 2015, vol. 8, no. 1, pp. 23–32 (in Russian).
22. Zontag S. *Vzglyad na fotografiyu* (View of the Photo). Available at: <https://www.photographer.ru/cult/theory/401.htm> (accessed 17 June 2018) (in Russian).
23. Assmann A. *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Policy]. Moscow, 2014. 328 p. (in Russian).
24. Nurkova V. V. To Tell about Yourself, to Tell by Means of Yourself, to Express Yourself: Autobiographical Narrative from the Point of View of Cultural-Activity Approach. *Razvitiye lichnosti* [Personal Development], 2010, no. 1, pp. 74–92 (in Russian).
25. Sapogova E. E. The Autobiographic Narrative in the Context of Cultural-historical Psychology. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-historical Psychology], 2005, no. 2, pp. 63–74 (in Russian).
26. *Chto takoye postpamyat'* (What is Post-Memory). Transl. of M. Khirsh. Available at: <http://urokiistorii.ru/node/53287> (accessed 8 April 2018) (in Russian).

Cite this article as:

Ryaguzova E. V. Memory of the Other or the Other Memory: the Social-Psychological Analysis of Commemorative Practices. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 61–68. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-61-68>
